

УДК 111

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-2-45-53

УНИВЕРСИТЕТ КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА

Очеретяный Константин Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, Кафедра философии науки и техники, Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: kocheretyany@gmail.com

Наука в своих технических успехах усложнила человеческое Я и принципы человеческого взаимодействия, и в этом состоял её профессиональный успех. Теперь её призвание – восстановить доверие в усложнённом мире и в критически настроенных человеческих сообществах. Наука мобилизовала человечество – теперь она способна дать ему основания для согласия. Наука призвана к этому, поскольку, во-первых, владеет недоверием профессионально, во-вторых, остаётся единственной инстанцией, которой верят в современном мире; в-третьих, сохраняет идею мира как целого – мира, который заботится обо всём как о своём, пока всё в нём заботится о своём как о всём; в-четвертых, несмотря на все подозрения в её сращении с экономическими, политическими, военными инстанциями, наука сохраняет идею консенсуса, поиска согласия – при условии отказа от передачи идей, настроений, состояний на аутсорсинг (столь соблазнительного в цифровой среде). Тревога, которую нельзя передать другому, принятие последствий избранного жизненного мира, признание радикальной сложности ближайших простых вещей – это не только императивы учёного в отношении к миру, но и возможный этос человека в созданном наукой цифровом мире. Всё это может реализовать университет как экологическая платформа в цифровой реальности.

Ключевые слова: эпистемические добродетели, университет, алгоритмическая революция, неопределённость как вызов, экология воображения

Цитирование: Очеретяный К.А. Университет как экологическая платформа // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 2. С. 45-53. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-2-45-53

Рукопись получена: 3 марта 2023

Пересмотрена: 10 апреля 2023

Принята: 12 апреля 2023

...
**THE UNIVERSITY
AS AN ENVIRONMENTAL PLATFORM**

Konstantin A. Ocheretyany –
PhD in Philosophy, Associate
Professor, Department of Phi-
losophy of Science and Technol-
ogy, St. Petersburg State Uni-
versity. 5 Mendelevskaya line,
199034 Saint Petersburg, Rus-
sian Federation;
e-mail: kocheretyany@gmail.com

In its technical development and advantages, science has made human «self» much more complicated and sophisticated than ever, and it is usually considered an achievement for science as profession. However, it is seemed that nowadays science as vocation faces the question of how to restore trust in sophisticated society, in human deals, and human communication. Science has mobilized humankind – now it might give them grounds for more consciousness self-acceptance. Science has vocation to it by at least four reasons. Firstly, science leads mistrust professionally. Secondly, it remains the only authority that people in modern world believe in almost without exception. Thirdly, it saves the idea of the world as a whole – a world where everything has meaning, where everything matters. Fourthly, despite all suspicions of its binding with economic, political, military instances, science translates the idea of consensus, the search for agreement – provided that ideas, moods, states are not transferred to outsourcing (so tempting in the digital environment). Anxiety that by definition is impossible to translate to another, acceptance of the consequences of the chosen line, recognition of the radical complexity of ordinary things and everyday moments are not only the imperatives of the scientist in relation to the world, but also the ethos of human behavior. All this can be implemented by the university as an ecological platform in in the digital world created by science.

Keywords: epistemic virtues, university, algorithmic revolution, uncertainty as a challenge, ecology of imagination

How to cite: Ocheretyany, K.A. (2023). The university as an environmental platform, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (2): 45-53.
DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-2-45-53 (In Russian).

Received: 3 March 2023

Revised: 10 April 2023

Accepted: 12 April 2023

Ханна Арендт, рассматривая образ парии – отверженного, лишённого прав, намечает скрытую традицию реакции на дискриминацию и угнетения, которая выражается в 4-х типах: Генрих Гейне, Бернар Лазар, персонаж/аватар Ф. Кафки — К (из «Замка») и Чарли Чаплин (Арендт, 2008). Речь идёт, конечно, о еврейской культуре и истории еврейского народа. Но, акцентировав теологическую тематику в указанных типах, можно увидеть диалог с Богом, четыре типа поведения человека в отношении к радикально Иному, которые

и сохраняют традицию. Можно ли по аналогии продумать другую скрытую историю встречи с Реальным? Социально-эпистемические практики, порождающие свои среды – миры знания. И стоящие за ними типы университета – как типы организации реальности, или, точнее, типы «призвания» – некоего фундаментального настроения, лежащего в основании интерпретации реальности и социального взаимодействия со Знанием?

Wissenschaft als Beruf – оригинальное название эссе, основанного на докладе Макса Вебера и впервые представленного 7 ноября 1917 г. (в расширенном варианте опубликовано в 1919 г.) – вынужденно переводится на русский язык как «Наука как призвание и профессия» (Вебер, 2006, с. 529-548). Наречие «как» подчёркивает пропасть культурного различия, осознаваемого в эпоху Вебера, но впервые намеченного гораздо раньше. Дело в том, что именно слово *Beruf* из средневерхненемецкого Лютер выбрал для перевода греческого *κλήσις* (от глагола *κἀλέω*) и латинского *vocatio* (от глагола *vocationem*). Оба слова обозначали прежде всего «призыв к спасению». В «Вульгате» (латинском переводе Священного Писания, основанном на трудах Иеронима Стридонского), *vocatio*, как аналог греческого *κλήσις* – это прежде всего личное обращение Спасителя к ищущим Царствия Небесного. По мере того как Церковь из тесной духовной общины превращалась в сложный и разветвлённый институт, земная иерархия которого рассматривалась как отражение небесной, «призыв» всё более понимался как достоинство тех, кто на него откликнулся. Призвание – уже не личное обращение Спасителя, но качество его расслышавшего, к нему обернувшегося и обращающего к нему остальных. Возникает сеть посредников – священноначалие. Священник обладает послушанием, а потому, смилив себя аскезой, он может услышать Зов. Призвание – то, чем обладает священник или монах, соизмеримый в своём послушании с «ангельским чином». Остальные люди как бы обречены быть в духовной зависимости от качеств других, более чутких к Зову. Смысл лютеровского бунта как раз и состоял в возвращении христианству изначальной драмы – личной соотнесённости человека и Бога, которая не опосредована ложными иерархическими и идеологическими отношениями. Её цель – драма богообщения вне авторитетов и комментариев. Зов Доброго Пастыря, Спасителя, вышедшего за заблудшими овцами, должен быть услышан лично, вне посредничества церковных иерархов, а потому *der Beruf* – «самое само» каждого христианина, его собственность, его дело, его судьба, его душа. Следовательно, формулировка *Wissenschaft als Beruf* содержит имплицитную ссылку на отношения индивида и Науки (как судьбы нового мира) – подобную отношениям Бога и человека, которые вернул Лютер в качестве евангелического духа или перводрамы христианства (богообщения). Лютер своим жестом (тезисы, Виттенберг, сжигание папской буллы) в интенции освободил церковь от иерархии, Вебер обнаружил интенции технизации и бюрократизации науки – уход от слушания (вслушивания) в пользу послушания. Именно

...

в этом смысл восстановления в правах *Beruf* – организаций не бюрократических и технических, а именно социально-эпистемических.

В этом смысле соотнесение образа парии у Х. Арендт и учёного у М. Вебера даёт странный гибрид – уклонения/призвания или, если объединить эти крайности в одном понятии – перформативного типа поведения. В этом смысле можно говорить о социально-эпистемических связях как подтипах такого поведения, в основе которых лежат фундаментальные настроения.

Первое настроение – позитивность в смысле, приданном этому слову Гегелем в работе «Позитивность христианской религии» (1800 г.), то есть сеть ритуалов, правил, предписаний без прямого отношения к сверхъестественному (и даже его заключение в скобки). Позитивность может быть средством уклонения – опыт Реального травматичен, истина сложна и опасна, соответственно ритуалы и правила могут быть просто инерцией научной коммуникации, ясными и отчётливыми сообщениями, стёршимися до уровня наиболее общих и пустых положений. Такая позитивность является частой и серьёзной проблемой, фактически сбоем коммуникации – поскольку может утверждать то, чего нет, и выдавать отсутствие знания за знание. В случае радикализации позитивности мы верим в науку как в Бога, но забываем, что ряд фундаментальных положений недоступен не только опыту обывателя, но и специалистам. То же касается и технических вещей – когда мы можем знать, как, например, идёт ток или какие процессы приводят к появлению пластмассы, но воспроизвести это неспособны в силу отсутствия ряда необходимых условий, связанных скорее с организацией общества, чем именно со знанием. Впрочем, позитивность может быть не только уклонением от Реального, но и призыванием к конкретному опыту, ведь подлинный смысл гегелевской позитивности в том, что отношения к Абсолюту сменяются intersubjectивными отношениями. Остаётся только вернуть ритуалам их силу, развеять их, показать, как они связывают (конкретизируют) опыт взаимодействия людей друг с другом, а не подменяют его абстракциями. Соответственно, одна из задач университета – выдержать это настроение позитивности не в смысле замещения опыта программами и технологиями, а в смысле выстраивания подлинной коммуникации программ, машин и технологий для углубления intersubjectивного опыта межчеловеческого взаимодействия.

Второе настроение – судьба. Что может быть более далёким от науки? Возможно, случай? «Изобретение Флемингом пенициллина фактически произошло по схеме “а что если”»: а что, если вырастить плесневые грибы в чашке с бактериями стафилококка? Причём сам этот эксперимент не следовал из логики предыдущих исследований Флеминга, а стал результатом случайности – неряшливый учёный оставил перед отъездом немытые чашки Петри, а когда вернулся, обнаружил губительное воздействие грибка на бактерии. Дальнейшая история известна. Научная смекалка Флеминга, его умение схватывать и интерпретировать новые неожиданные факты позволили ему

сделать открытие, совершившее революцию в медицине» (Фейгельман, 2022, с. 47). Однако и за пределами «случая» (который обычно не столь и случаен, так как не случайны внимание учёного, то, что ему попадает на глаза) наука – это не только объективные истины, но и эпистемические добродетели, зоны обмена и даже несчастное сознание, навязчивые идеи, страсти. Судьба есть не только у людей, но и у их идеалов и добродетелей, а потому университет может быть благоприятной средой для исследования как идей фикс, овладевших учёными, так и научными добродетелями, подталкивающими их вести себя так, а не иначе, воспринимать одно и не замечать другого. Страсть в науке (по Веберу, основание призвания) должна быть перетолкована из картезианско-спинозисткой-кантовской теории аффекта (правильное и неправильное соотнесение покоя и движения, действия и цели в индивидуальном или коллективном теле – теле общества, политики, истории) в страсть выхода по ту сторону всякой композиции, к индивидуальной тревоге, от которой не защитит ни идеология, ни технологии, ни повестка дня. Университет в таком смысле выступает тем местом, где возможна встреча эпистемических идеалов.

Третье настроение – забота. Характерная параллель: Карл Барт в изданных примерно в одно время с трудом Вебера «Посланиях апостола Павла к Римлянам» определил направление диалектической теологии (или теологии кризиса), получившее развитие в 1921-1922 гг. в работах немецких теологов Э. Бруннера, Р. Бультмана, Ф. Гогартена. На рубеже ключевых катастроф XX в. теология кризиса напомнила о радикальной инаковости Бога, о том, что Бог может быть понят по аналогии с отрицанием не только всего мирского, но и всего мира (свидетельством этому служили ужасы мировой истории). Бог – абсолютно Иной. Как чуть раньше заметил русский философ Л. Шестов, «Бог требует только невозможного». Выводы диалектических теологов говорили об отсутствии какого бы то ни было природного родства между человеком и Богом, об отсутствии каких-то оснований познания – кроме бытийной сопричастности, затронутости всего человеческого существа. М. Хайдеггер в своём проекте фундаментальной онтологии перенёс Иное в сердце человека, обнаружив этот «невозможный» разрыв как «заботу» и «бытие-к-смерти». Х. Арендт в проекте «*Vita Activa*» покажет, что «разрыв» как *conditio humana* – не условие умирания и «беспокойства», а условие нового начала, и именно в этом подлинный смысл заботы – невозможность укрепиться в каких бы то ни было границах. Забота – необходимость нового начинания, ответственности, самоопределения; дисциплинарные аппараты тяготеют к тому, чтобы создать смычку знания и власти, но гораздо важнее поиск нового диалога с человеком, с животным, с жизнью. Университет может стать экологической платформой и в смысле поиска благоговения перед жизнью – то есть обнаружения, за исключением познавательного, также и других типов отношения: охранения, учёта рисков, в целом – жертвенных форм, присущих науке.

...

Четвёртое настроение – негативность. Знание есть не только подтверждение, но и отрицание, влечение по ту сторону реальности, к радикально иному. Известную роль сыграли эпидемии в становлении бюрократического и социального мира Западной Европы, но не меньшую роль (как показывает проект М. Фуко) сыграло безумие в истории становления эпистемических практик. Речь может идти о взрывах воображения и попытках эти взрывы приручить. Например, широкую популярность приобрёл в Японии жанр кайдзю – странные, обычно гигантские, существа (самое известное из них, пожалуй, Годзилла). Они наступают на город как хтоническая сила, на хрупкие формы культурной организации: однако это «влечение к смерти», к разрушениям и катастрофам можно прочесть и как желание выйти по ту сторону форм организации к природе, к самим вещам, какими бы жуткими и таинственными они ни были. По аналогии с жанром кайдзю в кинематографе, демонстрирующим монстров-гигантов и разрушенные ими города, в науке выделяют гиперобъекты – то, что превосходит наше обыденное представление о времени и пространстве, причинно-следственных связях. В эпистемологии можно говорить о подобном шок-контенте, гиперидеях, ещё не получивших свою определённую и существующих дистрибутивно, как бы на уровне разрозненных интуиций, однако именно такой продуктивной рассеянностью (известной древним под именем «досуг») мог бы заразить университет, что особенно важно в ситуации растущей неопределённости.

Задача университета как экологической платформы – то есть платформы, позволяющей адаптироваться к вызовам жизненного мира – состоит в том, чтобы сочетать «изгнание» в интерпретации Арендт и «призвание» в интерпретации Вебера, сочетать чувство (и знание об) изначальной исключённости от реальности с поисками оптимальных интерфейсов взаимодействия с самым причудливым опытом. В какой-то момент человек стал меняться быстрее, чем окружающая его среда; теперь среда, созданная человеком, меняется быстрее, чем он сам – быстрее, чем он способен адаптироваться к ней. Реальность, созданная наукой монструозна (опять же в гегелевском смысле сочетания естественного и ему противоречащего, в том числе сверхъестественного, неучтённого эпистемами, того, что не должно себя явить и явилось). Достаточно упомянуть спор об этическом, правовом и просто гуманистическом статусе современных технологий. А университет при учёте ключевых фундаментальных настроений и организации социально-эпистемических отношений между ними может быть экологической платформой обживания таких гиперобъектов, квазисубъектов, криптосущностей, идей фикс, которые становятся такими же элементами повседневности, как погодные явления и смена настроений, а взаимодействовать с ними приходится чаще, чем с близкими людьми и домашними животными. Технологии больших данных, автономные роботы, облачные вычисления, интернет вещей, расширение доступа к 3D-печати, блокчейн, дополненная реальность,

а потенциально – массовое внедрение киберфизических систем в производство, контуры алгоритмической революции и Индустрии 4.0 (четвертой промышленной революции). Основная проблема четвертой промышленной революции (или негативный прогноз) состоит в том, что в результате многочисленных преобразований в разных сегментах жизненного мира человек станет узловым пунктом машинной коммуникации, то есть окажется среди решений, средств и методов, которые он не сможет использовать, а возможно даже не сможет понять. От человека в таком случае потребуются предельная ответственность и особые техники памяти, воображения, желания – техники заботы о себе, в том числе о принципах высказывания, эмпатии, доверия. Наука создала технический мир, но как практика себя («самости» в смысле исследований научных этосов и эпистемических добродетелей; см.: Дастон, Галисон, 2018) она имплицитно содержит и тайну ориентации в координатах этой новой реальности. И университет как экологическая платформа, учитывающая гармонию позитивности, негативности, заботы и судьбы, способен стать средством адаптации человека к открытой им же сверхнеопределённости. Для того чтобы преодолеть пугающую монструозность этой реальности, наука должна вспомнить, что она ещё и практика работы с надеждами и страхами, заботой и сочувствием, с аффектом и желанием. То есть она должна вскрыть то, с чем привычно не ассоциируется (но что становится всё более важным в социально-эпистемологических исследованиях научных практик) – то, что кажется настолько чуждым ей, что представляется как монструозное. Монструозность реальности, энергий и фигур, высвобожденных цифрой, снимается воспоминанием науки о собственных монстрах. Если вспомнить, что М. Фуко воспринимал монстра как объединение невозможного и запрещённого (Фуко, 2005), а Л. Дастон и К. Парк увидели в этом объединении судьбу науки, обращающейся от эпохи тревоги насчёт тайны до эпохи бесстрастности в отношении самых пугающих продуктов знания (Daston, Park, 1998), то можно провести ещё одну параллель. Точно так же как Вебер ставил перед своей эпохой трудный вопрос об отношениях между ценностной нейтральностью науки и её обращённостью к последним вопросам существования, перед нашей эпохой его текст ставит не менее сложный вопрос об отношениях между наукой как практикой и теорией монстров. Чтобы не быть практикой монстров, наука должна стать теорией монстров – или, переформулировав тезис Поппера («наши идеи должны умирать вместо нас»), скажем: наши теории должны обнаруживать монстров, которые в них содержаться прежде, чем эти монстры обрушатся на нас. Куайн полагал, что с эпистемической точки зрения нет разницы между субмолекулярными частицами и античными богами, но есть разница с точки зрения прагматики. В этом же ключе можно сказать, что монстр – прагматическая фигура, необходимая всякой эпистемологии. Соответственно, в науке не следует видеть исключительно радикальный

...

эпистемический разрыв с фактами и теориями (Фейрабенд), не следует её приравнивать и только к достижению договорённостей, где бессвязные и несравнимые ситуации начинают связываться и сравниваться между собой (Латур). Скорее, наука – это теория монстров. Становление научного разума – становление несчастного сознания, окружённого парадоксами, апориями, антиномиями. Изгнание этих «монстров» из науки грозит тем, что наука сама может превратиться в монстра. И именно здесь подлинная экологическая задача университета. Принятие этих монстров напомнит науке, что всё, что нас ужасает, требует нашей любви, что «всё страшное в конце концов есть лишь беспомощное, которое ожидает нашей помощи» (Рильке). Дать человеку опору в мире неуютных сущностей для университета, как экологической платформы, значит помочь вспомнить, что монстры – «соседи наши ближайшие» и они придут за нами (в том числе под видом повседневной практики, легитимированных идеологий, продуктов цифровой реальности), если мы прежде не придём к ним, не признаем их и не научимся их понимать.

Информация о финансировании исследования

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект 21-18-00046. СПбГУ.

Funding

The research was made with the financial support from the Russian Science Foundation, project 21-18-00046 “The Definition of Criteria for Visual Pollution of the Environment”, SPBU.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Вебер, 2006 – Вебер М. Наука как призвание и профессия / Пер. П.П. Гайденоко // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 529-548.

Дастон, Галисон, 2018 – Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.

Арендт, 2008 – Арендт Х. Скрытая традиция – эссе. М.: Текст, 2008. 221 с.

Фейгельман, 2023 – *Фейгельман А.М.* Счастливая (не)случайность: серендипность как фактор решения научных проблем // *Эпистемология и философия науки* 60 (1), 2023, С. 43-49.

Фуко, 2005 – *Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005, 432 с.

Шваб, 2016 – *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016, 294 с.

Daston, Park, 1998 – *Daston L., Park K.* Wonders and the Order of Nature. 1150-1750. N. Y.: MIT Press/Zone Books, 1998. 512 p.

Kittler, 1985 – *Kittler F.* Aufschreibesysteme 1800/1900. München: Wilhelm Fink, 1985. 525 S.

References

Weber, M. (2006). Science as a vocation and profession. In: Weber M. *Selected Works: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism* (pp. 529-548). Russian Political Encyclopedia Publ. (In Russian)

Daston, L., Galison, P. (2018). *Objectivity*. New Literary Review Publ. (In Russian)

Arendt, H. (2008). *Hidden Tradition. Essay*. Text Publ. (In Russian)

Feigelman, A. M. (2023). Lucky (not)chance: serendipity as a factor in solving scientific problems. *Epistemology and Philosophy of Science*, 60 (1), 43-49. (In Russian)

Foucault, M. (2005). *Abnormal: a Course of Lectures Delivered at the College de France in the 1974-1975 Academic Year*. Nauka Publ. (In Russian)

Schwab, K. (2016). The fourth industrial revolution. Eksmo Publ. (In Russian)

Daston, L. & Park, K. (1998). *Wonders and the Order of Nature. 1150-1750*. MIT Press/Zone Books.

Kittler, F. (1985). *Aufschreibesysteme 1800/1900*. Wilhelm Fink, 1985.